

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФИТОМОРФНОЙ МЕТАФОРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ ФРАНЦУЗСКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ

Садыкова А.Г., Мингазова Р.Р.

ГОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, Россия (420008, Казань, ул. Кремлевская, 18), e-mail: rushaniyam@mail.ru

В статье проведен анализ функционирования в художественном дискурсе метафорических образований на базе лексем, принадлежащих к лексико-семантическому классу фитонимов в двух разноструктурных языках – французском и татарском. Рассмотрены направления метафорического переноса, характерные для указанных языков. В обоих рассматриваемых языках наибольшее количество фитонимов, употребленных в переносном значении, встречается в описании человека, они характеризуют его внешность, стать, рост, фигуру, черты характера, в ряде случаев фитонимы обозначают собирательные женские образы. Абстрактные понятия в художественном тексте также получают метафорическое отображение при помощи фитонимов. Во французском языке наибольшая продуктивность метафорических преобразований отмечается в следующих направлениях: растение – внешность человека, растение – эмоция человека, растение – сакральный символ, растение – образ родного края. В татарском языке основные пути метафорического переноса – следующие: растение – внешность человека, растение – эмоция человека, растение – образ родного края, растение – период времени. В отдельную группу нами были выделены фитонимы – цветообозначения, получившие экстенсивное метафорическое значение в художественном дискурсе, такой вид семантических преобразований более присущ французскому языку.

Ключевые слова: художественный дискурс, фитоним, фитоморфная метафора, концептуальная метафора.

FUNCTION OF VEGETAL METAPHOR IN FRENCH AND TATAR LITERATURE DISCOURSE

Sadykova A.G., Mingazova R.R.

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russssia (420008, Kazan, Kremlyovskaya St., 18), e-mail: rushaniyam@mail.ru

We have done the comparative analysis of vegetal metaphors in the French and Tatar languages and of their function in literature discourse. After examining the ways of metaphorical transformation which are typical for these languages, we can make a conclusion that the most part of phytonyms are used to describe a person: human appearance, figure, stature, traits. Some of the phytonyms are used in order to designate common woman portraits in literature. Abstract concepts are also metaphorically transformed in both languages. The most common ways of metaphorical transformation in the French language are the following: plant – human appearance, plant – human emotion, plant – symbol of native land, plant – sacral symbol. In Tatar phytonyms are mostly metaphorically transformed in these common ways: plant – human appearance, plant – human emotion, plant – period of time, plant – symbol of native land. A group of phytonyms meaning colors and receiving an extensive metaphorical value in literature discourse were examined separately.

Keywords: literature discourse, phytonym, vegetal metaphor, conceprtual metaphor.

Художественный дискурс – комплексное коммуникативное явление, включающее в себя социальный контекст, участников коммуникации, процесс производства и восприятия сообщения. Специфическими конститутивными признаками художественного дискурса являются антропоцентричность, художественная информация, вымыселность, проективность, стилизованность речи, синтез устной и письменной речи, эмотивные лингвистические средства [3, С.5].

Одним из наиболее ярких эмотивных лингвистических средств, характерных для художественной коммуникации, является метафора. Метафоризация позволяет ввести в еще

непознанную действительность фрагменты уже познанного, запечатленного в общем, национальном опыте, она служит мостиком между актуальным и потенциальным знанием. Человек соизмеряет окружающий мир с собой, поэтому значительное количество образов, символов, ценностно-определенных стереотипов присуще не одному, а целому ряду народов. Однако не вызывает сомнения тот факт, что образно-метафорическое отражение действительности имеет этнонациональную специфику.

Когнитивное направление в лингвистике предполагает описание моделей концептуализации объективной реальности тем или иным культурным сообществом или отдельным индивидом. Исследованиям концептуальной метафоры посвящены труды многих российских и зарубежных ученых (Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, М. Джонсон, Ю.Н. Караулов, Дж. Карбонелл, Дж. Лакофф, Э. Маккормак, Г.Н. Скляревская, В.Н. Телия, А.П. Чудинов и др.). С точки зрения художественного познания мира концептуальная метафора представляет собой единый троп, включающий в себя традиционные метафору, метонимию, эпитет, олицетворение, гиперболу, парафразу и другие виды семантических и логических изменений [5].

В данной статье мы предприняли попытку анализа функционирования фитоморфной, растительной метафоры в произведениях французской художественной литературы.

В первую очередь, человек соизмеряет себя самого с объектами окружающего мира, в том числе и с растениями. Такой вид метафоры достаточно широко представлен в художественном дискурсе, одним из самых распространенных направлений переноса является характеристика внешности человека при помощи фитонима.

Приведем несколько примеров. Так, в представлении носителя французской лингвокультуры глаза могут быть похожи на цветок клематиса (*clématite*): *Ses yeux divins de clématite* (Verlaine). Нежный, светлый тон кожи сравнивается с жасмином (*jasmin*): *Blancheur, teint de jasmin* (Zola). Румянец на щеках метафорически отображается при помощи фитонимов *œillet* (гвоздика), *мак* (*coquelicot*): *Les œillets de la pudeur empourpraient légèrement le jasmin de son teint* (Camus). Метафорический портрет человека в представлении носителя татарского культа может включать следующие лексемы – фитонимы: глаза – черемуха (*шомырт*), смородина (*карлыган*), губы – вишня (*чия*): *Казан шәһәренә кап-кара бөдәрә чәчле, янып торган шомырт кара күзле, кызыл чия иренле... бер чибәр татар кызы килде* (Ф.Яхин). *Ул тамын торган иләни карлыган күк күзләрен...* (Н.Исэнбәт).

Цвет волос во французском языке может быть обозначен фитонимом *avoine* (овес): *...ses cheveux d'avoine qui ont renoncé à leur incroyable désordre...* (Breton). Косматые, густые усы автор соотносит с чертополохом (*chiendent*): *Le chiendent d'une séditieuse moustache* (Bloy).

В татарском языке рыжие, русые волосы связываются с растениями **көнбагыш** (подсолнечник), **арыш** (рожь): *Араларына сары көнбагыш Сабираның көнчелек күләгәсе төшә бит, сенлем-жсаным!* (Ф.Яхин). Черемуха (**шомырт**) ассоциируется у представителей лингвокультуры с черным цветом (глаз, волос), экстенсивно – с молодостью (в противопоставлении с сединой, старостью): *Шомырт кебек кара сакал иде, хәзер бәсәрде* (Г. Голымбай).

Стать, рост, фигуру человека традиционно передают такие фитонимы, как *liane* (лиана), *roseau* (тростник), *asperge* (спаржа). Лиана ассоциируется с гибкостью: *Souple comme une liane. Petits pieds andalous, braise rougeâtre aux yeux, corps de liane, bras d'ivoire, cheveux bleus. Tout cela s'appelait Judith* (Banville). Тростник – с нежностью, хрупкостью, уязвимостью: *Ce royal enfant, doux et frêle roseau!* (Hugo). Фитоним *asperge* (спаржа) употребляется в составе фразеологизма *asperge montée (en grain)* и имеет пейоративный оттенок значения – «переросток, дылда, каланча»: *...grande déjà comme une asperge montée, avec un air d'effronterie...* (Zola).

В татарском языке стать, изящество женщины соотносится с ивой, ивой ветвью (**тад, талчыбык**): *Сәхнәгә күтәрелгән кызының талчыбыктай биле сыгылып кую* (Ф.Яхин).

Женские образы во французской литературе концептуализируются следующими метафорами: *narcisse* (нарцисс), *aubépine* (боярышник): *Elle ressemblait à un tendre narcisse qui penche sa tête languissante au bord d'une eau solitaire* (Chateaubrian); *Une à une, les petites filles descendirent. Il semblait que ce fût une floraison hâtive, des aubépines miraculeusement fleuries* (Zola).

Символами женской красоты в татарской литературе предстают яблоко (**алма**), роза (**гөл чәчәк**): *Зимагур! Алма кебек кызыны күрәләтә картайта бит* (Т.Миннүллин); - *И минем гөл чәчәгем!...* (Ф.Яхин). Белая береза (**ак қаен**), олицетворяющая женские образы в татарской художественной литературе, довольно часто дополняется семой ожидания. Береза – девушка, оставшаяся в родном краю, солдатка в годы войны, вдова: *Өй артында ельй, жылдән иңрәп,/Ятим калган шыксыз ак қаен;/Яз айларын көткән шул қаендаи,/Мин дә көтәм аның кайтканын* (Н.Исәнбәт).

Качества человека, черты его характера, умственные способности также могут быть обозначены фитонимами. Так, добросердечие, высокие моральные качества символизируют маки (**coquelicot**): *De grands corps calmes, des cœurs simples comme des coquelicots* (Giono). Человека самовлюбленного, высокомерного называют **cresson** (кресс-салат): *Malfrins! cressons! De quoi que vous êtes pas contents?* (Céline).

Абстрактные понятия, получающие в художественном тексте метафорическое отображение при помощи фитонимов, могут становиться символами, представляющими

собой механизм памяти культуры, транслирующими сюжет из одного ее пласта в другой. «Единство основного набора доминирующих символов и длительность их культурной жизни в значительной мере определяют национальные и ареальные границы культур» [1, С. 5-7]. Способность транслировать культурные смыслы определяется диахроничностью символов.

Следует различать авторскую и общекультурную символику, различающуюся на уровне культурной традиции. Истинный символ существует в пространстве культуры и реализует смысловые возможности в вертикальной плоскости. Авторский же символ, авторская метафора сопряжена с конкретным текстом и реализует идею автора в горизонтальной плоскости смыслов.

Общекультурные символы – растительные метафоры – достаточно часто используются в художественной литературе, обогащаясь смыслами, привносимыми в дискурс автором. Среди характерных направлений переноса отметим следующие:

1) Растение – пора жизни человека. Во французской лингвокультуре первоцвет (*primevère*) – символ весны, юности, начала чего-л: *Dès lors commença pour Eugénie le primevère de l'amour* (Balzac). В татарском языке юность, пора любви концептуализируется такими положительными образами, как яблоко, яблоня (*алма, алмагач*), черемуха (*шомырт*), вишня (*чия*), мак (*мәк*): *Алмагач та, тула һәм пешә башлагач, хүш исле алмаларын* жәргә ыргытып, жәир белән шаяра башлый... Мин дә үзәмне матурлык тойгыларыма тулганымны сиздем (Г. Кутуй). Зрелая пора ассоциируется с созреванием ржи, пшеницы, плодов: Ул бары тик дөнья йөзенә сабыр канатын жәйгән *арышлы-бодайлы, алмалы-чияле* август ае кебек кенә иде ул чакларда ...Э биләр чуагында далада *мәк чәчәкләре* саташып чәчәк атучан булалар (Ф. Яхин). В данном примере герой перешагнул возрастной рубеж юности и вступил в «август» своей жизни, пожиная плоды многолетних трудов. Чувство любви, возникшее у него не вовремя, не в срок, автор сравнивает с маком, который расцвел в «бабье» лето. Таким образом, мак – синоним юной любви.

Для французов же мак (*pavot*) – символ смерти, конца, перехода в небытие: *Leurs têtes semblent si appesanties par les pavots de la mort, qu'elles ont fait fléchir cet oreiller de pierre* (Chateaubrian); *Coupez ces longues chevelures,/ Où la main d'une mère enlaçait des fleurs pures/ Sans voir qu'elle y mêlait les pavots de la mort!* (Hugo).

Подснежник (*умырзая*) в татарской культуре становится символом быстротечности жизни: *Умырзая чәчәкләре ритмга да, гомернең утуенә бәйле фәлсәфәгә дә килешен-килешен торалар икән бит* (Ф. Яхин). *Күз алда ускән умырзая /Әкрен сөйли уткәнне күңелдә* (Н. Исәнбәт).

Данный вид метафорического переноса в основном присущ татарской лингвокультуре.

2) Растение – чувство, эмоция, переживание человека.

Чувство любви во французской художественной литературе интерпретируется при помощи фитонима плющ (*lierre*), лиана (*liane*). Плющ – символ постоянства в любви. Он обвивает своей листвой дерево – «предмет своей любви», и умирает там, где закрепился. *Il me souvient pourtant qu'elle y parlait de fleurs et d'oiseaux, des étoiles et du lierre qui meurt où il s'attache* (France). Любовь в татарской лингвокультуре символизирует дерево, чаще всего яблоня (**алмагач**): *Егетнең мәхәббәт алмагачы да чәчәк атып, тиздән жәимешләнәсе...* (Ф.Яхин). Счастливые в браке супруги сопоставляются с розами (**гөл чәчәк**): *Ул инде хәзәр ире белән гөл чәчәкләредәй пар килешеп яшәүләре хакында хыял оғыкларын киңайтергә өлгөрдө* (Ф.Яхин).

Анемон и водосбор – поэтические символы хрупкости, печали: *L'anémone et l'ancolie /Ont poussé dans le jardin /Où dort la mélancolie /Entre l'amour et le dédain* (G. Apollinaire). Ср. русский перевод: *Анемоны с водосбором /Расцвели в саду где спит /Меж любовью и раздором /Грусть без горечи и обид* (пер. И.Кузнецовой).

Отрицательные эмоции, переживания человека передает фитоним крапива (*ortie*). Крапива – это все, что вызывает раздражение, все неприятное, невыносимое: *Vous êtes plus facilement ma mère que la sienne avec vos paroles d'ortie* (Giono). Культурным синонимом крапивы является чертополох (**чардон**), ассоциирующийся с тревогой, беспокойством: *[Antoine] s'agitait sur sa chaise comme s'il eût été assis sur des chardons* (R. Martin du Gard). Пырей (**чиendent**) – растение, которое довольно трудно выдернуть из земли, метафорические употребления данного фитонима в художественном тексте имеют значения «затруднение», «сложность»: *Il faudrait enlever les banquettes: vous vous rendez compte du chiendent?* (Sartre).

Постенница (**pariétaire**) – это символ забвения, всего покинутого и заброшенного, ведь она произрастает на руинах, камнях: *...rien n'existant plus des dispositions anciennes qu'un buissonnement de ciguës, de pariétaires, de ronces et de pierrailles* (Malègue).

Традиционным символом страха во многих культурах, в том числе и татарской, является осина (**усак**): *...Аның самими якты карашы, ...усак яфраклары кебек калтыранулары – барысы Фахри Хисаминың хәтеренә яңардылар* (Ф. Яхин).

Семему удивления содержит вокабула дуб **“имән”**: *Чикләвекле имән агачы кебек гәрсәләп килеп төштөмө, алла инде “бүрсө улаячагына” хәбәр идеме – хикмәте анда гына түгел, башикада...* (Ф. Яхин).

В общем объеме изученного нами языкового материала наименования растений в исследуемых языках значительно чаще репрезентируют отрицательные эмоции, чем положительные (75 % в татарском языке и 72 % во французском), что, по-видимому,

объясняется общей тенденцией к более яркой и многообразной фиксации отрицательного отношения к объектам окружающего мира в человеческом языке.

3) Растение – образ родного края.

Особо следует отметить воплощение образов родного края в фитоморфизмах татарской и французской национальной культур. Для носителя татарской культуры родная земля ассоциируется со следующими дендронимами: рябина (*миләши*), береза (*каен*), тополь (*тирақ*), сосна (*нарат*), дуб (*имән*): ...түгән якларыннан, аның *миләшләреннән, каеннарыннан, тирадкләреннән, чишимләреннән* – *һәммәсеннән- һәммәсеннән аерылып яшәргә мәжбур* (Ф. Яхин).

Во франкоязычной литературе некоторые растения представляют определенные регионы, области Франции. Так, утесник (*ajonc*) и вереск (*bruyère*) – поэтические символы Бретани: *La Bretagne prodiguait alors ses séductions pauvres, ses fleurs humiliées : les genêts, les ajoncs, les bruyères croissaient en foule sur les landes ...* (J. Gracq).

4) Растение – объект духовного, религиозного культа; сакральный символ.

Растения обретают символические значения, ассоциируясь с религиозным культом. В католической культуре таким значением наделяется шиповник (*églantier*), традиционно изображаемый у ног Девы Марии: *Des pieds admirablement nus, foulant l'églantier mystique* (Zola).

В языческих обрядах использовались розмарин (*romarin*), мирт (*myrte*), что нашло свое отражение в художественном тексте: *Le pieux colon offrait à ses lares, couronnés de myrte et de romarin, une poignée de sel* (A. France). Данный вид метафорического переноса в большей степени присущ французскому языку.

5) Растение – цветообозначение – экстенсивное метафорическое значение. Отдельно стоит остановиться на символике цвета, в большей степени представленной в материале французского языка. В изученном нами материале фитонимы достаточно часто становятся маркерами определенного цветового оттенка: *vert-pomme* (яблочно-зеленый), *lilas* (сиреневый), *olivâtre* (с оливковым оттенком), *vert asperge* (спаржевый), *anis* (анисовый), *amarante* (амарант) и др. Именно названия растений наиболее точно передают оттенки цвета в соответствии с представлениями той или иной лингвокультуры. Так, во французском языке целый ряд фитонимов передают различные оттенки голубого и синего, напр. *lavande* (лаванда), *myosotis* (незабудка), *pervenche* (барвинок). Метафорическое преобразование становится многоступенчатым, усложняется по мере добавления других символических значений. Так, цвет резеды – это цвет военной формы, экстенсивно – цвет нации, государства: *Nous avons fait la guerre, porté les couleurs de nos nations, le bleu horizon, le gris, le kaki, le réséda* (Guéhenno). Мак (*coquelicot*) ассоциируется с ярко-красной одеждой, иногда

с униформой солдата: *L'Angleterre a posé partout son soldat rouge, maudit coquelicot qui ronge notre blé* (Coppée).

Таким образом, в обоих рассматриваемых языках наименования растений в переносном значении в основном встречаются в описании человека, характеризуя его внешность, фигуру, черты характера. Во французском языке наибольшая продуктивность метафорических преобразований отмечается в следующих направлениях: растение – внешность человека, растение – эмоция человека, растение – сакральный символ, растение – образ родного края. В татарском языке основные пути метафорического переноса – следующие: растение – внешность человека, растение – эмоция человека, растение – образ родного края, растение – период времени.

Систематическое описание мотивов метафорического переноса, изучение функционирования различных видов метафор в художественном дискурсе позволяет глубже понять мировидение, миропонимание этноса. Немаловажен и тот факт, что глубокое понимание метафорических трансформаций позволяет передать все оттенки значения при переводе произведений художественной литературы, поэтому данная проблема, несомненно, требует дальнейших исследований.

Список литературы

1. Адамчук Т. В. [Природа символа и художественный текст](#) / Т.В. Адамчук // Традиции и новаторство в гуманитарных исследованиях: Сб. науч. тр. посвящ. 50-летию ф-та иностр. яз. Мордов. гос. ун-та им. Н. П. Огарева. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2002. – С. 5-7.
2. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры / под общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журинской. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5-32.
3. Милетина О.А. Лингвостилистические особенности портрета как жанра художественного дискурса (на материале произведений Т.Драйзера): дис. ... канд. филол. наук / О.А. Милетина; Волгоградский государственный университет. – Волгоград, 2004. – 181 с.
4. Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка / Г.Н. Скляревская. – СПб.: Наука, 1993. – 152 с.
5. Таджибаева А.А. Понятие концептуальной метафоры. [Электронный ресурс.] / А.А. Таджибаева. – URL: http://www.rusnauka.com/18_DNI_2010/Philologia/69429.doc.htm (дата обращения : 03.08.2013).

6. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
7. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor / G. Lakoff // Metaphor and Thought / Andrew Ortony (ed.) Second Edition (1993). – Cambridge University Press, 1998. – PP. 202-251.

Рецензенты:

Арсентьева Е.Ф., д.фил.н., профессор, заведующий кафедрой германской филологии ФГАОУВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (ведомственная принадлежность – Министерство образования и науки РФ), г. Казань.

Каюмова Д.Ф., д.фил.н., профессор кафедры контрастивной лингвистики и лингводидактики ФГАОУВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (ведомственная принадлежность – Министерство образования и науки РФ), г. Казань.